

150
169674

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка

СЛОВО ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник научных статей
к 75-летию лауреата Государственной премии СССР,
доктора филологических наук, профессора
Алексея Петровича Груцо

Минск 1999

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
БЕЛАРУСИ

УДК 482
ББК 81.2 Рус
С 483

Печатается по решению редакционно-издательского совета
БГПУ им. М. Танка

Редакционная коллегия: Т.В.Балуш, Л.М.Бунцевич, Н.В.Жданович,
В.Т.Иватович, Н.И.Кабелка, В.В.Конон, В.В.Леонтьева, Л.С.Мормыш,
Л.А.Проخورчик, Л.В.Чернышова (отв. редактор)

Рецензенты: А.А.Гируцкий, доктор филологических наук, профессор;
П.А.Михайлов, кандидат филологических наук, доцент

Сборник, посвященный юбилею лауреата Государственной премии СССР, доктора филологических наук, профессора Алексея Петровича Груца, содержит материалы, в которых отражено изучение в сравнительно-сопоставительном плане разных уровней языковых систем белорусского, русского и других славянских языков во времени и пространстве, а также другие актуальные проблемы языкознания.

Адресован научным сотрудникам, аспирантам, студентам.

2016

ББК 81.2 Рус

ISBN 985-435-141-6

© Коллектив авторов, 1999

**АЛЯКСЕЙ ПЯТРОВІЧ ГРУЦА,
/ДА 75-ГОДДЗЯ З ДНЯ НАРАДЖЭННЯ/**

75-гадовы юбілей 9 мая бягучага года адзначаць вядомы беларускі мовавед, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі СССР, доктар філалагічных навук, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі мовы БДПУ імя М.Танка Аляксей Пятровіч Груца.

Нарадзіўся ён у в. Піпчыкі Дубровенскага раёна Віцебскай вобласці. Назаўсёды ў яго сэрцы і памяці захавалася гэты куточак роднай зямлі, які знаходзіцца сярод лясоў ў маляўнічым мясцовасці на водападзеле прытокаў Дняпра, Дубровенкі і Расасенкі. Менавіта таму, а таксама імкнучыся выказаць пашану сваім землякам, загінуўшым і без весткі прапаўшым у часы апошняй вайны, прафесар А.П.Груца прыняў актыўны ўдзел у складанні кнігі "Памяць" па Дубровенскім раёну.

Дзіцячыя і юнацкія гады Аляксея Пятровіча прайшліся на перадваенны і ваенны час. Пасля заканчэнні ў 1941 г. 1-ай Дубровенскай СШ працаваў на гаспадарцы бядкоў, а ў канцы лютага 1944 г. быў вывезены немцамі на прымусовыя работы ў Германію. Працаваў у сельскай гаспадарцы да вывалення англічанамі (красавік 1945 г.) і пры першай магчымасці рэпатрыяваўся.

З верасня 1945 г. да красавіка 1947 г. знаходзіўся на службе ў Савецкай арміі. Пасля вяртання на "грамадзянку" паступіў на першы курс літаратурнага факультэта Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя А.М.Горкага. Яшчэ студэнтам прымаў актыўны ўдзел у зборы матэрыялаў для складання Дыялекталагічнага атласа Беларускай мовы.

Пасля заканчэння інстытута працаваў у школах г. Мінска. Без адрыву ад працы ў школе здаў кандыдацкі мінімум. У 1957 г. перайшоў на працу ў Інстытут мовазнаўства імя Я.Коласа, абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму "Гісторыя форм будучага часу ў беларускай мове". Вучоная ступень кандыдата філалагічных навук прысуджана ў 1957 г., а ў вучоным званні старэйшага супрацоўніка зацверджаны толькі ў 1966 г. З 1957 па 1963 г. працаваў малодшым, а з 1963 па 1969 г. -- старэйшым навуковым

специальными обозначениями государственных беспорядков: эти слова отдельных людей. Однако для содержания летописей не типично обращение к проблемам отдельного человека, в них всегда речь идет о народе или о государственных деятелях. Поэтому отмеченные слова имеют в летописях характер номинаций общественных отношений. Напр.: *Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще?* (ПВЛ, 248). Согласно данным исторических словарей, слово *котора* называет спор, ссору. Однако в тексте ПВЛ речь идёт о междоусобных вооружённых столкновениях русских князей: *... между нами рати* (ПВЛ, 248). Контекст создаёт значение „*крамола, мятеж*” и в слове *расприя*: *И бывши промежи ими [горожанами] распри велице ... И всташа вечемь народи мятежници, ... людие крамольници* (Тохт., 192). Остальные названия в летописях синонимичны отмеченным словам.

Характерные для языка летописей смысловые связи слов из названной подгруппы с номинациями *крамола, смута, мятеж* позднее утратились. В семантике дошедших до нашего времени слов основным стало значение „*ссора*”.

Ещё одно проявление крамолы – заговор – в летописях обозначается словами *съветь, свада, леть*. Наиболее употребительна лексема *съветь*, называющая также совет, совещание. Значение „*заговор*” сопровождается отрицательной оценочностью, которая создается речевым окружением, сравн.: *Съветь* (совет) *сотвориша вечеру* (ГВ, 278); *Бысть съветь лукавый пагубоубийственный* (Бог., 328). Слово *свада* в значении „*заговор*” прочитывается редко: *Тацями свадями ... время злаго начинания готовящие* (Ед., 246). В круг обозначений заговоров можно включить и лексему *леть*. В древнерусском языке, да и позднее, как основное в её содержательной структуре отмечалось значение „*обман, коварство*” [СлДРЯ, IV, 449-450; СлРЯ XI-XVII вв., вып. 8, 215]. На этом основании слово *леть* могло окказионально стать номинацией заговора: *И приде к нему весть, ож Ляхове леть учиниле* (ГВ, 362).

Как видим, в языке летописей выступает необычайно богатая группа слов, обозначающих крамолу в разных её проявлениях. Однако в семантике большинства рассмотренных лексем значения эти не получили чёткого оформления, в значительной степени создавались контекстом, не закрепились и позднее утратились.

¹ Груцо А. П. Семантика и функции предлогов *зь, съ* в старобелорусском языке // Семантика языковых единиц. Мн., 1984. С. 42.

² ГВ - Галицко-Волынская летопись; Тохт. - Повесть о нашествии Тохтамыша; Новг. - Сказание о восстании в Новгороде в 1418 году; СБ - Записки о стрельцком бунте; Пох. - Новгородская повесть о походе Ивана III на Новгород; Пск. - Псковская летописная повесть о смутном времени; ПВЛ - Повесть временных лет; Ед. - Сказание о нашествии Едигея; Бог. - Повесть об убиении Андрея

Боголюбского. Летописные тексты см. в серии „Памятники литературы Древней Руси.” М., 1978-1987.

³ Колесов В. В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск, 1990. С. 25.

И.П.Кудреватых
(Минск)

БЛОК ИНФОРМАЦИИ КАК ЭСТЕТИЧЕСКИ ОРГАНИЗОВАННАЯ СТРУКТУРНАЯ ЕДИНИЦА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Одним из основных понятий сегодняшней лингвистики является понятие функции, в связи с чем функциональный аспект языковых явлений становится ведущим в лингвистике текста. Современные исследователи пытаются найти наиболее приемлемую единицу структурирования текстового целого – более сложные и крупные единства, которые одни и могли бы послужить главными конститuentами текста – особого знакового явления языка, поскольку упр. за как явление синтаксического уровня не может быть единицей, определяющей специфику структурной организации, подчиняющейся «синтаксису» совершенно иного рода и более высокого порядка (2). Так появились семантико-синтаксические единицы, функционирующие на текстовом уровне языковой иерархии: «сверхфразное единство» (Л.А. Улаховский, Б.А. Маслов), «сложное синтаксическое целое» (Н.С. Пепель, Л.М. Лосева), «суперфраза» (А.А. Акишина), «большой контекст» (Т.И. Сильман), «прозаическая строфа» (Л.Г. Солганик), «общение» (В. Волошинов), «коммуникат» (К. Гаузенблас), «высказывание» (О.С. Ахмедова), «абзац» (А.М. Пешковский, Л.Г. Фридман), «текстовый блок» (А.А. Мещлер) и другие, между которыми многие ставят знак равенства.

Блок информации (БИ) – синтаксическая единица художественного текста, которая характеризуется интеграцией значений структур более низкого уровня (предложений, сверхфразовых единств), составляющих единое смысловое целое. БИ, с одной стороны, это единица структурирования текста, но с другой, – стилистическая характеристика, маркер стилистических манер писателя, имеющий прагматическую установку на восприятие сообщения. При характеристике БИ определяющим является установление природы ядра, его синтагматических и парадигматических отношений как результата интеграции смыслов. Ядерная структура смыслового блока (словосочетание, предложение, группа предложений) является проецирующей частью высказывания, находящей аргументацию в контекстном окружении. Дистантно расположенные БИ, составляющие тему художественного текста, выполняют определенные стилистические функции и, в первую очередь, служат средством создания

художественного образа, приемом словесно-художественной изобразительности.

Проиллюстрируем сказанное на примере рассказа В.Белова «Маникюр». Рассказ представляет один БИ с доминирующей структурой *Расскажу, как я в Москву-то слетала*, группирующей вокруг себя зависимые ядра, которые расположены дистантно: *Поехала к брату; Поез в главную палитмахтерскую; Маникюр так маникюр, одинова погибать; Наддело-то, еле выжила*. Выделение данных позиций в качестве сильных определяется заглавием рассказа («Маникюр»), которое выполняет тематизирующую функцию. Отношения дискретных единиц к доминанте – пояснительные, между зависимыми ядрами – соединительные, эксплицированные претерминальным временным планом (то есть рассказчик – действующее лицо – повествует о событиях в форме воспоминаний).

Между дистантными опорными элементами, занимающими сильные текстовые позиции, складывается тесная семантическая, синтаксическая и стилистическая взаимосвязь, которая способствует созданию яркого эмоционального эффекта, хотя ни доминанта, ни опорные элементы блока не являются стилистически значимыми. Они лишь манифестируют хронологию ситуаций, в которые попадает рассказчик. То есть в плане выражения контекст детерминирует сильные позиции, в плане содержания ядерные структуры детерминируют контекст. Та же зависимость наблюдается и в отношениях ядерных структур к доминанте, которая эксплицирована двусоставным личным предложением. Препозиция имени по отношению к глаголу объясняется разговорным стилем речи. Семантическая и формальная детерминация опять-таки не совпадают. Зависимые ядра представлены односоставными предложениями, где детерминирующим выступает имя как завершающее семантику глагола, то есть глагол десемантизировался, а имя сконцентрировало основное значение. Так как повествование в рассказе ведется от первого лица, только доминанта обозначена двусоставным предложением, в остальных случаях субъект оказывается избыточным.

Правильная интерпретация «сильных позиций» текста тесно связана с пониманием интегративно-парадигматических отношений между его единицами, так как контекстуальное взаимодействие языковых средств несет преакцентуализацию значений на разных участках текста.

Так, связь доминанты со структурными элементами сильных позиций маркируется прежде всего единым внутрличностным рядом сюжетных событий в тексте, связанным с изображением сознания, эмоций (3). Перспектива повествования эксплицируется личными формами глаголов как показателем определенного типа повествования, давшего название особому прозаическому жанру «Ich Erzählung» (повествование от 1 лица). Такое повествование, с одной стороны, служит средством социальной

характеристики образа, с другой стороны, – средством образно-эстетического выражения позиции автора.

Рассказ «Маникюр», представленный одним БИ, «насквозь» экспрессивен, и эта экспрессивность проявляется на всех уровнях языковой системы: фонетическом (*баронь, квартера, розовой, палитмахтерская, кажин ноготок* и др.), лексико-фразеологическом (*не утерплю, удосузиться, намаялась, порасстраивалась, одинова, баский, была с головой* и др.), словообразовательном (*брат-от, дядечка*), грамматическом (*гражданин старичок, мадама* и др.), наблюдается стилистическая градация (*девушка – гражданка – тетка*). Сочетание социально-речевых разновидностей общенародной разговорно-бытовой речи создает целостную систему экспрессивно-речевых средств. Они аккумулируются в «образе автора», отражая его позицию на изображаемое и его отношение к героине.

Таким образом, в структурной организации БИ как единице коннотации мы выделяем следующие экспрессивно-маркированные композиты, участвующие в создании механизма экспрессивности, эксплицитными и имплицитными языковыми средствами:

- 1) оценочный, сообщающий о ценности субъекта действия, который прослеживается в «образе автора»;
- 2) эмотивный, выражающий отношение рассказчика к описываемым событиям;
- 3) деоптический, имплицитно и эксплицитно присутствующий в реакции повествователя на события, его точка зрения в соответствии с нормами поведения (в рассказе – поведение человека в непривычных для него условиях);
- 4) мотивационный композит, на котором «держится» дескриптивное и коннотативное содержание. Причиной возникновения мотивирующего смысла выступает образ, заключенный во внутренней форме синтаксических структур, который может выступать следствием переосмысления значения;
- 5) стилистический, указывающий на принадлежность к определенному речевому стилю, определяя тем самым выбор средств речевого воздействия в определенных условиях общения (1).

Текст является многоплановым по содержанию и по структуре и в связи с этим имеет множество параметров. Структура текста не всегда абсолютно идентична характеру высказывания, так как не всегда средствами языка можно выразить весь объем логических понятий, которые в свою очередь представляют диалектическое единство и противоречие. Анализ связей и отношений блоков информации в художественном произведении является одним из компонентов характеристики внутренней организации текста, исследование которой может быть проведено только на основе анализа отношений между его составляющими. И с этой точки зрения, БИ – наиболее организованная текстовая единица, раскрывающая весь потенциал

языковых средств. Богатство и разнообразие языковой интерпретации смысла – показатель не только авторского мироощущения, но и его отношения к языку, который выступает синтезом идей, замыслов и писательских возможностей.

1. Бондаренко Т.В. О семантической структуризации устойчивой фразы // Семантика языковых единиц. Материалы 3-ей междувузовской научно-исследовательской конференции. Ч. II. Фразеологическая семантика. Словообразовательная семантика. Морфологическая семантика. М., 1993.
2. Бухбиндер В.А., Розанов Е.Д. О целостности и структуре текста // Вопросы языкознания. 1975. № 6.
3. Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. М., 1989.

В.В.Леонтьева
(Минск)

ПОЗИЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРЕДИКАТУ В СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Общепризнан в современной лингвистике тезис о препозитивности семантического субъекта по отношению к предикату в структуре высказывания. Однако постпозиция субъекта по отношению к предикату также не исключена. Исследуем соотношение препозитивных и постпозитивных субъектов в текстах различных типов. Попытаемся ответить на вопрос, константные ли величины в языке препозитивность и постпозитивность субъекта, не зависит ли показатель пре- или постпозиции субъекта от типа текста.

В качестве области исследования мы избрали язык художественной литературы, язык газеты и разговорную речь – те сферы коммуникации, в которые включен практически каждый носитель современного русского языка. Рассмотрим по 2000 случаев эксплицитного представления субъекта в структуре высказывания в языке художественной литературы (роман Е. Астафьева "Печальный детектив"), в языке газеты ("Аргументы и факты", № 44–45 1998 г.), в разговорной речи (кн. "Русская разговорная речь", текст, разделы "Диалоги", "Языковое существование", "Рассказы"), извлеченных посредством сплошной выборки.

В языке художественной литературы местоположение субъекта, с нашей точки зрения, является в наибольшей степени вероятностным, зависимым от авторской манеры повествования. В исследованном художественном тексте на долю препозитивных субъектов приходится 1327 примеров (≈66,4% от общего количества субъектов), постпозитивных субъектов – 619 случаев (≈31%), то есть препозитивные субъекты активнее постпозитивных более чем в 2 раза. Наименее частотны в языке

художественной литературы интерпозитивные субъекты, находящиеся "внутри" предиката, состоящего из нескольких словоформ. Таких субъектов выявлено 54 (2,7%).

В языке газеты подавляющее большинство составляют препозитивные субъекты (1554 примера, или 77,7% от общего числа рассмотренных субъектов). Постпозитивны по отношению к предикату субъекты в 419 случаях (≈21% от общего числа субъектов), интерпозитивны – в 27 случаях (≈1,4%). Препозитивные субъекты активнее постпозитивных в языке газеты примерно в 3,7 раза.

В разговорной речи абсолютное большинство субъектов являются препозитивными (1795 примеров, или ≈89,8% от общего объема анализируемого субъектного материала). Постпозитивных субъектов обнаружено всего 190 (9,5% от общего числа субъектов), то есть лишь каждый десятый семантический субъект в разговорной речи является постпозитивным. Интерпозитивных субъектов выявлено 15 (≈0,8%).

Сопоставительный анализ текстов различных типов свидетельствует, что язык художественной литературы является более свободным в выборе местоположения субъектного компонента в структуре высказывания, чем язык газеты, который сильнее привязан к сфере субъектной препозиции, а разговорную речь характеризует еще более мощное, чем в языке газеты, перераспределение субъектного материала в пользу препозитивности.

В целях экономии места представим полученные фактические данные в систематизированном виде. Данные, отражающие способность субъекта занимать препозитивное положение по отношению к предикату в структуре высказывания, приведены в табл. 1.

Таблица 1

Тип текста	Поле препозитивности субъекта		
	Язык художественной литературы	Язык газеты	Разговорная речь
Общее количество примеров	1327 (100%)	1554 (100%)	1795 (100%)
1 Личный S в именительном падеже	857 (≈64,6%)	719 (≈46,3%)	1202 (≈67%)
2 Неличный S в именительном падеже	275 (≈20,7%)	607 (≈39,1%)	337 (≈18,8%)
3 Личный S в косвенном падеже	155 (≈11,7%)	171 (≈11%)	223 (≈12,4%)
4 Неличный S в косвенном падеже	40 (≈3%)	57 (≈3,7%)	33 (≈1,8%)

* При подсчете субъектов, стоящих в косвенном падеже, нами учитывались также субъекты в косвенном падеже в составе причастных конструкций (так называемые субъекты полупредикации).

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЯКСЕЙ ПЯТРОВІЧ ГРУЦА /Да 75-годдзя з дня нараджэння/.....	3
ПУБЛІКАЦІЎІ доктара філалагічных навук прафэсара кафедры тэорыі і гісторыі мовы Груца Аляксея Петровіча.....	6
Научные статьи в отечественных и зарубежных изданиях.....	7
Рецензии.....	11
Тезисы докладов в отечественных изданиях.....	12
А. П. Груца.....	13
З ГАВОРКІ РОДНАЙ ВЁСКІ.....	13
Е. И. Абрамова.....	17
СЛОЖНОСОСТАВНЫЕ СЛОВА В ДИЛОГИИ И. С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ», «БОГОМОЛЬЕ».....	17
П. Е. Ахраменко.....	19
ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. ШАМЯКИНА И ПЕРЕВОД ИХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	19
Т. Н. Бабич.....	21
О НЕКОТОРЫХ СРЕДСТВАХ СОЗДАНИЯ МИФОЛОГИЗАЦИИ В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА "МАСТЕР И МАРГАРИТА".....	21
Т. Балущ.....	24
ОККАЗОНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В. М. ШУКШИНА.....	24
Т. С. Берднік.....	27
ТЭРМІНАЛОГІЯ ДРАЎЛЯНАЙ АРХІТЭКТУРЫ.....	27
А. У. Брагунюў.....	30
ЗАПАЗЫЧАННІ З ЧЭШСКОЙ МОВЫ Ў ПЕРАКЛАДНОЙ "АПОВЕСЦІ ПРА ТРАЯНСКУЮ ВАЙНУ".....	30
Л. Бундэвіч.....	32
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАЛЬКИРОВАННЫХ ГРЕЧЕСКИХ АДЪЕКТИВОВ С ПРАСЛАВЯНСКИМ *bez- В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ.....	32
Г. А. Гваздовіч.....	38
БЕЛАРУСКАЯ ЛІНГВІСТЫЧНАЯ ТЭРМІНАЛОГІЯ У ПЕРШАЙ ЧВЭРЦІ ХХ СТАГОДДЗЯ.....	38
Т. А. Гераськіна.....	42
ЯЗЫК И СТИЛЬ «ЖИТИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО».....	42
И. А. Гируцкий.....	45
МОДЕЛИРОВАНИЕ В НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОГРАММИРОВАНИИ.....	45
В. А. Гуліцкая.....	47
СТРУКТУРНЫЯ АНТРАПАНІМІЧНЫЯ МАДЭЛІ Ў ПРАМОВАХ І ПАСЛЯСЛОЎЯХ СКАРЫНЫ.....	47
Ю. А. Гурская.....	48
ЛИЧНОЕ ИМЯ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ.....	48
Н. В. Жданович.....	50
НЕОБЫЧНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ: ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ЭПИТЕТ.....	50
Е. А. Желудович.....	55
"ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ" СРАВНЕНИЯ В ПРОЗЕ Н. М. КАРАМЗИНА.....	55
Н. С. Журавская.....	59
НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	59
А. І. Жураўскі.....	62
ТАПАНІМІЧНЫЯ НАТАТКІ.....	62
В. Іваковіч.....	66
НАРАДЗІЦА Ў САРОЧЦЫ АБО Ў КАШУЛІ?.....	66
Н. И. Кабелка.....	70
СТРУКТУРА СЛОГА ДРЕВНЕРУССКИХ ДЕРИВАТОВ НА -ЬБА.....	70
В. В. Конон.....	78
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО.....	78
С. А. Королевич.....	82
НОМИНАЦИИ КРАМОЛЫ В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ.....	82
И. П. Кудреватых.....	85
БЛОК ИНФОРМАЦИИ КАК ЭСТЕТИЧЕСКИ ОРГАНИЗОВАННАЯ СТРУКТУРНАЯ ЕДИНИЦА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	85

В. В. Леонтьева.....	88
ПОЗИЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРЕДИКАТУ В СЕМАНТИКО- СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	88
Таблица 1.....	89
Таблица 2.....	90
Таблица 3.....	91
Е. В. Литвинкова.....	93
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЭПИТЕТОВ В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ.....	93
А. М. Мезенко.....	96
УРБАНОНИМИЯ НЕСВИЖА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	96
А. В. Менжинская.....	101
ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ РОДА БЫТОВЫХ ГАЛЛИЦИЗМОВ.....	101
А. Г. Міхалевіч.....	105
ПАЎТОР ЯК СТЫЛІСТЫЧНЫ ПРЫЁМ МАСТАЦКАЙ ПРОЗЫ ІВАНА ПТАШНІКАВА.....	105
Л. С. Мормыш.....	108
ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНАХ М. ГОРЕЦКОГО "НА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ" И "ВИЛЕНСКИЕ КОММУНАРЫ" И ИХ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	108
В. Осипович.....	111
ОБ ОТРАЖЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЧЕРТ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОБОБЩЕННО-ЛИЧНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦ).....	111
Л. А. Прохорчик.....	113
"ЖИТИЕ" АББАКУМА КАК МАТЕРИАЛ К ИСТОРИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ XVIII ВЕКА.....	113
Т. В. Ратько.....	117
О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПЛАНА ЯЗЫКА И ПЛАНА РЕЧИ В ИССЛЕДОВАНИИ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	117
В. І. Свірдзенка.....	120
РАЗВИТИЕ МОДЫ В НАЧАЛУ ПЕЧАТКОВЫХ КЛАССОВ ПРИ ВЫВУЧЕНИИ ГРАММАТИЧНОЙ БУДОВЫ СКАЗАНИЯ СЛОВСОЗНАНИИ ЕГО ЗМЕСТУ.....	120
В. С. Смирнов.....	125
РОЛЬ ТРАНСФОРМАЦИЙ ВЕРБОИДОВ В КОНТЕКСТЕ.....	125
В. Д. Сурганчик.....	127
КЛАСАЦЫЯ І ЛЕКСІЧНАЕ ЗНАЧЭННЕ.....	127
Т. И. Тарнинова.....	130
ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ И СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПАРЕННОГО ХАРАКТЕРА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	130
Л. И. Терехова.....	133
К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПАРАТИВНЫХ СИСТЕМ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ.....	133
Л. В. Чернышова.....	136
ОППОЗИЦИЯ РАЙ-АД В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	136
Ф. С. Шумчак.....	140
АСАБЛІВАСЦІ ФУНКЦЫЯНАВАННЯ ПРЫМЕТНІКАВЫХ ПАРАЎНАННЯЎ У МАСТАЦКІХ ТВОРАХ В. АДАМЧЫКА.....	140
А. Ю. Яницкая.....	143
ГЛАГОЛЫ УДИВЛЕНИЯ.....	143